

bers / N. Luhmann // R. Mayntz (Hrsg.) Bürokratische Organisation. – Köln ; Berlin, 1971. – P. 41.

¹⁶ Там же. – P. 46.

¹⁷ См.: Allmendinger, J. Organisationssoziologie / J. Allmendinger, T. Hinz. – Wiesbaden, 2002. – P. 6–8.

А. В. Скворцова

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Н. Н. СТРАХОВА И ИДЕИ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВИЯ

В статье рассматривается влияние идей православного богословия на социально-философскую концепцию Н. Н. Стрехова, раскрываются основные ее положения, взгляды мыслителя на природу мира и человека, идеалы общественного устройства, анализируется то, какие моменты теории Стрехова являются отголосками христианской антропологии, а какие – имеют своим источником иные направления и течения религиозно-философской мысли.

Ключевые слова: иерархизм, органицизм, традиционализм, учение о целостности мироздания, почвенничество.

Среди истоков мировоззрения русского консерватизма в первую очередь можно отметить христианскую теологию и антропологию. Как отмечалось многими авторами, глубинные особенности русского консерватизма восходят к аскетической традиции восточного христианства, которое в течение столетий определяло духовную жизнь России. «Именно религиозный фактор, православное духовное ядро русской культуры предопределил важнейшие особенности теоретико-познавательной модели и социальной философии русского консерватизма», – считает современный исследователь Э. А. Попов¹.

В данной статье обратимся к социально-философским воззрениям одного из представителей философии русского консерватизма Н. Н. Стрехова и, выделив основные черты его концепции, соотнесем их с идеями христианского богословия.

Онтологические идеи Стрехова покоились на утверждении о целостности мироздания. Мир есть единое целое, связанное и стройное. «Он связан во всех направлениях, в каких только может рассматривать наш ум»². Это единство проявляется через отношения субординации и координации его элементов. Все явления мира составляют иерархию, упорядочены, подчинены единому закону. «Части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, представляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать – иерархию существ и явлений»². Все настолько взаимосвязано, что вселенная может восприниматься как единый организм, в котором наблюдается гармония. Таким образом, Н. Н. Стрехов выражал *иерархизм, органицизм и учение о целостности мироздания*.

Стрехов продолжает органицистскую теорию Данилевского, воспринимающую общественный организм как биологический, переносящую законы существования и развития органического мира на социальный. Данилевский основывался на натуралистическом подходе к изучению природы общества. Однако данная теория может иметь и богословскую подоплеку. Традиционно в христианстве объединение верующих – Церковь понимается именно как живой организм. Параллель между чело-

веческим телом и Церковью достаточно популярна в христианстве. Она прослеживается еще у апостола Павла. «Вы – Тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12:27). «Ибо все мы одним духом крестились в одно тело» (1 Кор. 12: 13). Церковь возглавляется и управляется Самим Христом. Члены этого сообщества соединены с Ним, как с Главой, а в Нем и друг с другом. Все оно одушевляется, живится и освящается Святым Духом, с помощью Которого Церковь, как всякое живое тело, растет и развивается. «Церковь не только организация, она еще и живой Организм, Живая Личность, Тело Христово», – писал русский православный мыслитель М. А. Новоселов³. Христианское восприятие Церкви Страхов переносит и на все общество, видя в последнем тоже живое органическое начало. На наш взгляд, органицизм как явление философской мысли развился не только под влиянием естественных наук, но и из вышеуказанного момента ортодоксального богословия. В консервативных доктринах отчетливо просматривается экстраполяция христианского учения о Церкви на социальную сферу.

В учении Страхова о целостности мироздания особую роль играет идея философа об «одушевленности мира». «Цель органического мира – есть достижение его одушевленности»⁴. Причем «одушевленность» эта понимается у него в смысле божественности. «Всякая жизнь происходит от Бога. В нашем сознании сознает себя то вечно духовное начало, в котором корень всякого бытия»⁵. Получается, что наше сознание и Божественное начало – в общем- то одно и то же. Идеи о мире как единой, иерархически связанной сущности могут иметь под собой христианскую подоплеку, но одушевленность сразу возводит его концепцию к философии пантеизма – концепции, обожествляющей природу, наделяющей природу активностью, волей, разумом. Согласно же христианским представлением, природа – не есть живая, Бог пронизывает ее Своей энергией, но сам он трансцендентен миру, находится за пределами его бытия. Это учение было конкретизировано в XIV веке Григорием Паламой, посредством понятий «сущность» и «энергия». Страхов сам признавался, что при работе над книгой «Мир, как целое», он был пантеистом, и полагал что «нам не известна иная наука, кроме науки пантеистической»⁶. Б. В. Никольский приводит следующий отзыв мыслителя о позиции Толстого: «Пусть это называют пантеизмом, или фанатизмом, или буддизмом, но во всяком случае пусть признают, что это путь, идущий к Богу»⁷. Таким образом, Страхов допускал смешение различных религиозных верований, не придавая существенного значения их разнице, – все они ведут «к Богу».

Своеобразный «экуменизм» Страхова оказался сродным духу религиозно-философских произведений Толстого. Центральное место в мире занимает, согласно концепции Страхова, «узел бытия» – человек. Он является «главной сущностью, главным явлением, и главным органом мира»⁸. Важнейшей предпосылкой христианской философии тоже является учение о неповторимости, уникальности человеческого бытия. Библейское понимание человека антропоцентрично. Оно проявляется, в убеждении, что онтологически человек выше космоса и всего того, что в нем содержится. Человек есть центр, смысл и цель всего мироздания, всей истории. Если античные философы говорили о человеке как о «микрокосмосе», то для христианских авторов, например, Григория Богослова, «малым» является именно материальный мир по сравнению с «макрокосмосом» – человеком. Развитие и становление человеческой личности, по Страхову, должно осуществляться в соединении с себе подобными. Корень бедствий философ видит в том, что «все идут врозь, каждый сосредоточен на своем особом деле и не примыкает ни к какому общему делу»⁹. Основа жизни по Страхову – это движения, превращения, взаимосвязи и взаимодействия.

Организмы суть процессы, которые имеют начало и конец и у которых нет никаких постоянных свойств. Жизнь не статична, а динамична в своем конечном устремлении к Богу.

На первый план, как и у других консерваторов, у Н. Н. Стрхова выступает *религиозная составляющая мировоззрения*. «Какой бы взгляд на устройство и состав мира мы себе ни составили, но наша мысль неизбежно будет искать единой основы всего существующего, и это будет первое определение, первая черта понятия о Боге»¹⁰. Однако религия Стрхова в некоторых аспектах была далека от православия и характеризуется неприятием «официальной» Церкви. С одной стороны, православие для Стрхова несет «разрешение всяких вопросов и несокрушимую надежду на победу истинно живых начал»¹¹. В работе «О задачах истории философии», философ подчеркивал, что именно с появлением христианства человек стал в совершенно новые отношения к Богу и природе. Человеческая личность именно тогда приобрела столь высокое значение, которого она никогда не имела, когда «Бог явился во плоти и назвал людей своими сынами и братьями»¹². Гуманистическая философия Стрхова отличалась от западных форм гуманизма главным образом сохранением христианских идеалов, пропагандой подвижничества, героизма, святости и аскетизма.

С другой стороны, современники мыслителя отмечают независимость стрховского идеала от догматического вероучения, от церковного видения праведничества. Стрхов превозносит гармоничный нравственный идеал святости, когда человек преодолевает свои желания, свою природу, смерть и вообще всякое страдание, тем самым достигая полной чистоты души и преданности воле Божией. Но при этом для Стрхова идеалом мудреца, оставался идеал, созданный еще стоиками. Воплощение именно этого идеала он видит в творчестве Л. Н. Толстого. Подтверждением отчужденности Стрхова от православия являются и факты его биографии. В 1877 году Стрхов с Толстым побывал в Оптиной пустыни, посетили монастырский скит и встретился со старцем о. Амвросия (Гренкова). По свидетельству П. А. Матвеева, близко знавшего оптинских насельников, Стрхов во время беседы с о. Амвросием все время молчал, говорил лишь Толстой. Показательно, что в конце разговора о. Амвросий внезапно обратился к Стрхову со словами: «Наша философия не та, которой вы занимаетесь...»¹³ Известно также, что Стрхов предлагал Толстому свои услуги по изданию за границей книги «Исследование Евангелий», имевшей явную антицерковную направленность, а перед смертью он сознательно отказался от исповеди и причастия.

Понимание мира как единого органического целого неразрывно связано с этическими, социально-политическими вопросами. Если человек, понимая, что он – центральная частица мироздания, мыслит себя творцом и преобразователем, забывая при этом, что является точно такой же частью природы, как и все остальное, он становится постоянно неудовлетворен и ищет идеалы то в прошлом, то в будущем, не умея воплотить их в настоящей действительности. По Стрхову, требуется какое-то равновесие между признанием себя «царем природы» и зависимым от нее лицом. «Природа побеждается только тогда, когда мы ей повинемся»¹⁴. Человек зависим от природы, но не сводится к природе, наоборот, в нем есть начала, изымающие его из рабства материального детерминизма, делая его способным подняться над окружающим бытием, осмыслить себя как нечто высшее и инородное, благодаря духовной составляющей своей природы. Он «имеет полное право противопоставлять себя природе, потому что он может сделать такое противопоставление, имеет силу и способность к нему»¹⁵.

Эти идеи напоминают христианское учение о двухсоставности человеческой

природы, согласно которому она одновременно принадлежит двум мирам: телесному и духовному, а человек в природе имеет статус экстерриториальности, законы физического мира на него распространяются лишь частично, только на физическую его оболочку. «Художник-Логос созидает живое существо, единое из двух, я имею в виду видимую и невидимую природы, созидает человека, взяв тело из прежде сотворенной материи, от Себя же вложив дыхание жизни, <...> творит же как бы некий второй мир, в малом великий»¹⁶. По Страхову, дух и материя – настолько разные субстанции, что не могут быть сведены друг к другу. Истину нужно искать во взаимном их примирении. Приоритет, однако же, отдавался философом духовной составляющей человеческой природы. Он считал, что политические, экономические, социальные реалии российской жизни зависят во многом от духовных основ.

Человек, по мнению Страхова, составляет представление о мире по аналогии со своей собственной душой, заимствуя в своей психологической жизни принцип единства. Он судит о себе не как о скоплении вещества, а как о целостности, и распространяет этот подход на органический мир. «Мы называет организмы живыми существами не по каким-либо их вещественным особенностям, а потому что переносим на них то понятие жизни, которое почерпаем из самих себя»¹⁷. Закономерности психического мира провозглашаются законами функционирования мироздания, реальное понимание которого может быть достигнуто только через понимание жизни человека. Связь психического мира человека со степенью точности познания окружающего мира неоднократно упоминалась в христианской письменности. Например, Исаак Сирийский писал, что «кто познал себя, тому дается ведение всего, потому что познать себя – есть полнота ведения обо всем, в то время как смирение воцаряется в житии твоём, покоряется тебе душа твоя, а с нею покоряется тебе все, потому что в сердце твоём воцаряется мир Божий»¹⁸.

Н. Н. Страхов выражал опасение, что какие-то концепции станут претендовать на абсолютную истину, считая себя непогрешимыми. Человек, согласно Страхову, испытывает потребность в откровениях иного порядка, нежели те, которые дает ему наука. Рациональные выкладки разума не удовлетворяют ум, потому что он стремится к чему-то большему, «постоянно враждует против рационализма»¹⁹. Человек становится способен к познанию тайн мироздания только тогда, когда его разум освещается внутренним, сокровенным светом веры, добра, красоты, составляющим остов его как личности, в отличие от других земных существ, собственно, его духовностью. Знание и мораль неразрывно связаны. Таким образом, философ связывает нравственное состояние личности и истинное постижение законов общества и мироздания.

Эта установка, характерная для ранних славянофилов, опирается на христианскую идею необходимости очистить ум и сердце для «проникновения в суть вещей». Полнота познания истины в христианстве находится в прямой зависимости от морального совершенства, от чистоты, что привлекает к человеку благодать Божию. «Ум есть одно из душевных чувств, а сердце обнимает и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень, а если корень свят, то и ветви святы, то есть, если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства», – пишет Исаак Сирийский²⁰. Страхов тоже не отделял рассудочно-логическое познание от нравственного самоопределения личности. Тем не менее, разница есть. Несмотря на то, что почвенники продолжали славянофильскую традицию «метафизики сердца», они избегали богословской и религиозно-философской формы постановки гносеологических проблем, и в этом заключается одно из существенных отличий теорий почвенничества от концепций ранних славянофилов.

Н. Н. Страхов отрицал наличие единого общего критерия оценки развития обществ, идею линейного прогресса. «Все пути более- менее освещены, все выходят на большую дорогу жизни, и в то же время нет ни одного, на котором нельзя было бы опасаться слепого тумана и не нужно было бы остерегаться пропастей»²¹. Ни один народ, общество, эпоха не могут быть судимы по чуждым для них меркам. Задача каждого из них достигнуть максимальной выразительности своего типа. Развитие общества – есть самостоятельный процесс, не регулируемый внешними обстоятельствами, «сам себя поддерживающий»²². Если общество есть организм, то оно телеологично; в нем самом заложено «стремление сохранить известный тип, воплотить его в более лучшей и полной форме»²³.

Данная теория идет вразрез с идеями христианского универсализма. Эта концепция, стремящаяся каждое культурно-историческое единство как бы замкнуть в непроницаемую скорлупу, уничтожает единую историю и, следовательно, ее христианский смысл: как историю человечества, созданного единым Творцом и *ведомую единым Провидением*. Такие принципы философии Страхова, как релятивизм, несопоставимость и уникальность культур, многосторонности, многоплановость их развития приводят мыслителя к выводам, которые нельзя совместить с христианским мировоззрением. Если каждая культура имеет свои критерии истины, добра, красоты, то не может существовать *единой системы общечеловеческих ценностей* и приходится признать относительность всех принципов морали и политики, что открывает дорогу произволу во всех областях жизни.

Организмам присущи индивидуальные различия, но в то же время они остаются верны своему типу, и потому не сливаются в одну безликую массу. Само развитие Страхов определяет как «наследственный процесс, начало которого теряется в безмерной цепи поколений»²⁴. Тем самым, в развитии оказываются задействованными наследственные признаки, материал, накопленный за долгое время, то есть – применительно к социальным организмам – традиции. Таким образом, в философии Страхова возникает мотив *традиционализма*. Традиции помогают обществу сохранить самостоятельный тип при активном динамичном движении и не допускают превращения его в хаос. «Нам, – пишет Страхов, – не нужно искать каких-нибудь новых, еще не бывалых на свете начал; нам следует только проникнуться тем духом, который искони живет в нашем народе и содержит в себе всю тайну роста, силы и развития нашей земли»²⁵. Бороться стоит, по мнению русского философа, стоит лишь за те начала народности и православия, которыми всегда была пронизана жизнь русского народа, и в которых он видел залог правильного пути развития нашего общества. Задача, стоящая перед Россией, – изменить характер просвещения, внеся в него иные основы, и тем самым выполнить свою историческую миссию – выйти самой и показать другим путь к Истинному Свету.

В попытках обоснования своей позиции Страхов постоянно обращается к понятию «почва». «Почвой» является тот духовно- нравственный пласт, который объединяет общество, определяет содержание его культуры, это – язык, обычаи, нравы, формы быта, особенности политической, хозяйственной жизни, народный менталитет. Любое явление культуры может считаться почвенным, если оно не принесено извне и не придумано искусственно. Именно «почва» способна обеспечить самостоятельность развития и нуждается в осторожном и любящем «возделывании». Только в этом случае народ способен сохранить себя и послужить человечеству. «Под именем «почвы» разумеются те коренные своеобразные силы народа, в которых заключаются зародыши всех его органических проявлений»²⁶. То есть, «почва» представляет собой сущность народа как источник его жизненных сил и органиче-

ских проявлений. Связь с ней обеспечивает жизнеспособность любого явления. Политические институты, сословия, потерявшие связь с «почвой», обречены на вымирание.

Н. Н. Страхов историю представлял в виде динамичного процесса, где главной движущей силой являются не низменные мотивы человечества улучшения материальных условий существования, а высшие, религиозные, духовно- нравственные. «Обнаружив еще неслыханную в мире стойкость, живучесть и силу распространения, русский народ, однако же, никогда не отдавался исключительно материальным и государственным интересам, а, напротив, постоянно жил и живет в некоторой духовной области, в которой видит свою истинную родину»²⁷.

Историософия Страхова, как и у всех консерваторов, была связана с нравственным восприятием истории, извлечением из нее моральных уроков. Он с грустью замечал, что подавление личности ведет к ее распаду, к взаимному отчуждению людей. Этот процесс не смогут остановить юридические нормы, требуется нравственное совершенствование, идущее из самых глубин человеческого существа. Особую роль философ отводит России. Предназначение России – соединить воедино все, что наработано человечеством, найти свой путь на фундаменте собственной «почвы» (истории, традиций, характера, особенностей души и духа) и прийти к государству, развивающемуся на принципах общего согласия, на авторитетах добра, красоты, права и свободы.

Таким образом, ко многим социальным проблемам Страхов подходил с точки зрения, близкой к христианской, видя в мире целостное, иерархическое единство, средоточием которого является человек. Природа человека двусоставна, имеет в себе материальное и духовное начала, последнему из которых отдавалось Страховым предпочтение как движущей силе истории. Философ признавал и одобрял влияние православия на различные стороны общественной жизни, отрицал плодотворность вмешательства абстрактных схем в органический процесс реальной жизни, защищал идею внутренней связи и морали, предлагал опираться на традиции, «почву», как основу консолидации народа. Страхов совершил переход от механистического мировоззрения к органическому, осуществив компетентную критику западного просвещения и рационализма. Вместе с тем в его концепции прослеживались начала, выходящие за пределы христианской философии: пантеистические высказывания об одушевленности мироздания и обожествленности человеческого сознания; идеал святости, далекий от монашеской аскезы, устремленности ко Христу, восходящий скорее, к античным стоикам; отрицание авторитета Церкви и протесты против абсолютной истины.

Примечания

¹ Попов, Э. А. Русский консерватизм : идеология и практика / Э. А. Попов. – Ростов н/Д., 2005. – С. 67.

² Страхов, Н. Н. Мир как целое : Черты из науки о природе / Н. Н. Страхов. – СПб., 1872. – С. 7.

³ Новоселов, М. А. Письма к друзьям / М. А. Новоселов. – М., 1994. – С. 36.

⁴ Страхов, Н. Н. Главная задача физиологии / Н. Н. Страхов. – СПб., 1986. – С. 26.

⁵ Зеньковский, В., прот. История русской философии / В. Зеньковский. – М., 2001. – С. 394.

⁶ Там же.

⁷ Никольский, Б. В. Николай Николаевич Страхов / Б. В. Никольский. – СПб., 1896.

- ⁸ Страхов, Н. Н. Мир как целое... С. 8.
- ⁹ Страхов, Н. Н. Воспоминания и отрывки / Н. Н. Страхов. – СПб, 1892. – С. 99.
- ¹⁰ Страхов, Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе : кн. 2. – СПб., 1882–1896. – С. 525–526.
- ¹¹ Н. Н. Страхов. Литературная критика. – М., 1984. – С. 405
- ¹² Страхов, Н. Н. О задачах истории философии / Н. Н. Страхов. – Харьков, 1893. «Чтение о Боге по началам разума» Н. Страхова // Вопр. филос. и психологии. 1894. – Кн.1. – С. 24.
- ¹³ Матвеев, П. А. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов в Оптиной пустыни / П. А. Матвеев // Истори. вест. – 1907. – Т. 108. – № 4. – С. 153.
- ¹⁴ Страхов, Н. Н. Главная задача физиологии / Н. Н. Страхов. – СПб., 1886. – С. 4.
- ¹⁵ Страхов, Н. Н. Мир как целое. СПб., 1872. С. 18
- ¹⁶ Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1 / Григорий Богослов свт. – Свято-Троицкая лавра, 1994. – Слово 38.
- ¹⁷ Страхов, Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии / Н. Н. Страхов. – СПб., 1886. – С. 122.
- ¹⁸ преп. Исаак Сирин. Слова подвижнические / преп. Исаак Сирин. – М., 1911. – Слово 74. – С. 372.
- ¹⁹ Страхов, Н. Н. О вечных истинах (мой спор о спиритизме) / Н. Н. Страхов. – СПб., 1887. – С. 29.
- ²⁰ преп. Исаак Сирин. Творения / преп. Исаак Сирин. – Сергиев посад, 1911. – С. 24.
- ²¹ Страхов, Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии / Н. Н. Страхов. – СПб., 1886. – С. 5.
- ²² Там же. С. 285.
- ²³ Страхов, Н. Н. Главная задача... С. 21.
- ²⁴ Страхов, Н. Н. Об основных понятиях... С. 183.
- ²⁵ Радлов, Э. Л. Н. Н. Страхов / Э. Л. Радлов // Нива : ежемес. лит. приложение. – 1896. – Июль. – С. 570.
- ²⁶ Страхов, Н. Н. Из истории литературного нигилизма / Н. Н. Страхов. – СПб., 1890. – С. 113.
- ²⁷ Страхов, Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3 / Н. Н. Страхов. – СПб., 1882–1896. – С. 180.